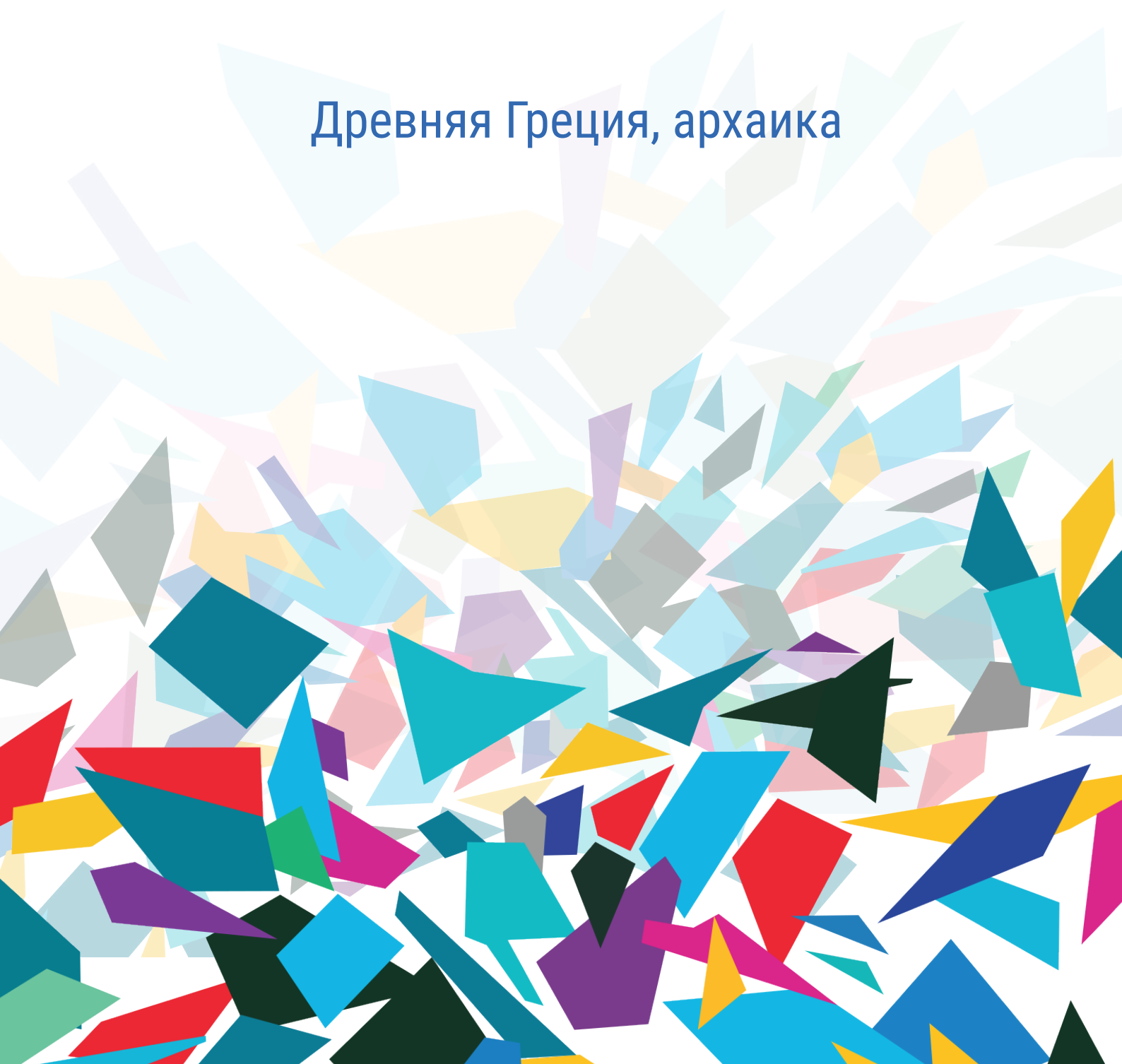

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

Древняя Греция, архаика

Если Крит и Микены – это была все-таки отдельная история, хотя и очень похожая на Древнюю Грецию, то собственно древнегреческая история начинается с такой эпохи, которая называется гомеровский период. Он приходится на VII–VI века до нашей эры, и это как раз время, в котором живут герои Гомера, и когда живет сам Гомер. Конечно, Гомер – это удивительно важная фигура для понимания искусства Древней Греции.

Мы к нему еще вернемся, а пока давайте посмотрим, что сохранилось от этого гомеровского периода. К сожалению, крайне мало, потому что все-таки это большая давность. Не сохранилась архитектура этого времени, но сохранились скульптуры. Это всегда мелкая пластика, небольшие скульптуры, которые изображают, например, кентавра и героя, или пахаря, или просто лошадь. Мы видим, что эти скульптуры какие-то очень примитивные, упрощенные. И это совершенно не случайно, потому что в гомеровский период появляется такое направление искусства, которое называется геометрический стиль. И в это же время появляется греческий национальный орнамент, который называется меандр. Этот орнамент очень нравится современным дизайнерам. И это не случайно, потому что орнамент – это зашифрованный код времени. Греческий орнамент как раз очень хорошо выражает национальный дух. Как можно обобщить, выразить в двух словах задачу греческого искусства? Кажется, объяснить этот мир, разложить все по полочкам, систематизировать этот мир – вот чего хотят греки. Потому что мир – это хаос, и только человек может разобраться в этом хаосе, может его структурировать. Поэтому и греческий орнамент такой строгий, геометрический. Он представляет из себя бесконечную прямую линию, которая пересекается под прямым углом. То есть все очень строго и рационально.

На самом деле греческая культура – это ведь южная культура, и поэтому она не может базироваться только на рациональном. Здесь много чувства, и это чувство мы видим в каждом произведении греческого искусства, даже на его раннем этапе.

Гомеровский период – это первый период. А второй период называется архаика. Когда мы говорим про архаику, нужно вспомнить первые греческие скульптуры. Они назывались курорсы и коры. Курорс – это по-гречески «юноша», это слово живет в греческом языке и сегодня. А кора – это «девушка». Но на самом деле это не просто первые скульптуры, это те скульптуры, которые могли служить колоннами, на которые могли опираться крыши храмов. И вот это очень важно, потому что когда мы с вами будем смотреть на греческий храм, периптер, со всех сторон оперенный колоннами, то мы будем очень хорошо это чувствовать, эту живость каждой колонны. Потому что любая греческая колонна предполагает человека, то есть за ней стоит человек.

Появлению в архитектуре очень сложной ордерной системы, к которой мы сейчас перейдем, предшествует появление вот этой скульптуры. Давайте внимательно посмотрим на скульптуру эпохи архаики. Курорсы и коры – первое, что мы сразу видим. Это курорсы из афинского Акрополя. Мы сразу видим сходство фигуры курорса с египетской скульптурой. Мы видим точно такую же постановку фигуры – прямая спина, развернутые плечи, абсолютная фронтальность, руки, плотно прижатые к бедрам и такой шаг вперед, который он как бы делает, но на самом деле не теряет равновесия. Это абсолютно египетские черты. Если мы посмотрим внимательно на лицо курорса, то мы увидим, что это восточный тип, мы увидим, что это лицо широкоскулое, что оно круглое, что у юноши миндалевидные глаза – такие же, какие мы видели, например, у шумеров. Да и волосы проработаны точно так же, как бороды, например, в ассирийских скульптурах. То есть мы видим заимствование или, по крайней мере, влияние египетского, шумерского, ассирийского искусства, и это все совершенно не случайно.

Еще мы видим, что вот в этих двух скульптурах курорса и коры есть такое существенное различие. Потому что девушка одетая. До конца V века в греческой скульптуре женщина изображалась только одетой, хотя сегодня нам кажется, что мы видели много обнаженных греческих скульптур. Так вот, они все появляются после Праксителя, после V века. И хотя эти скульптуры похожи на шумерские и египетские, все-таки в них есть одно отличие. Это то, чего нельзя было встретить в странах восточной деспотии. Это улыбка. Потому что греческое искусство сразу как бы обозначает приоритет, говорит о том, что центр греческого мира – это человек. Человек – мера всех вещей, и вот это тот самый гуманизм, который начинается здесь, в Греции.

Вообще, Греция – это колыбель европейской цивилизации. Греция так много подарила европейскому миру, что даже трудно все перечислить. Например, в Греции впервые появился театр как вид искусства. В Греции появились Олимпийские игры, в Греции появилась демократия – в конце концов, это самое важное достижение европейской культуры. И вот это понимание ценности человеческой жизни – не когда человек занимает какой-то пост, а любой человеческой жизни – оно тоже начинается здесь, еще в дохристианском мире, гуманизм начинается в Греции.

Улыбка, которую мы видим на лице курiosa или коры, называется архаической улыбкой, то есть она неправильная. Потому что скульптор, который ее делает, пока не умеет передавать эмоцию, пластику. И поэтому у него как бы улыбается только рот, а вот лицо и глаза по-прежнему остаются спокойными. Тем не менее эта улыбка удивительно обаятельная. Да, она наивная, но она удивительно привлекательная.

Еще на этих скульптурах мы видим следы краски, и мы должны понимать, что все греческие скульптуры – и эпохи архаики, и эпохи классики, и эпохи эллинизма – они все были раскрашены. Потому что для греков скульптура не была символом. Она была именно живым образом того бога или богини, которой посвящена эта скульптура.

Есть такой современный немецкий художник, который как раз занимается таким проектом – он берет и расписывает копии греческих скульптур. Вы удивитесь, насколько они меняют свой облик, потому что мы привыкли к белоснежному восприятию Древней Греции. «Белый цвет – божественный», – так говорил Винкельман. Он был первым, кто описал греческое искусство, и благодаря ему мы тоже привыкли к тому, что греческий – значит белоснежный. Но все это не было белым, оно все было цветным.

В эпоху архаики появляется впервые и так называемое золотое сечение, и так называемая ордерная система. Что такое ордерная система? Ордерная система – это система пропорций храма. Греки ведь любили все систематизировать, поэтому при всем многообразии форм храмов их на самом деле можно посчитать, ведь их не так уж много. То есть существует около пяти видов храмов, и в этих пяти видах храмов используются всегда три ордера.

Ордер – это система пропорций, в которой колонна является единицей измерения. То есть именно относительно колонны будут определяться все остальные размеры храма. Мы видим храм Геры или Посейдона в Пестуме. Один из самых старинных, еще архаических древнегреческих храмов. Этот тип храма называется периптер, то есть «оперенный», это значит, что здесь колонны стоят со всех сторон, по периметру. «Периметр» – это тоже древнегреческое слово. Мы видим, какие это массивные колонны, какие у них большие капители. Мы видим эту ордерную систему – количество колонн на длинной стороне зависит от количества колонн на короткой стороне. И обычно они равняются $8+8+1$. То есть мы во всех размерах любого греческого храма всегда будем встречать это золотое сечение. Правильно говорить «золотые пропорции».

Что такое золотые пропорции? Это пропорции идеального мира, идеального человека или идеального мира глазами человека. Золотые пропорции будут искать все художники. То есть мы с вами понимаем, что мы все разные.

Но есть красивые люди, у которых пропорции вот этого золотого сечения. На самом деле золотое сечение ведь встречается в природе, потому что это такое деление отрезка на две части, при котором весь отрезок относится к большей части, как большая к меньшей. То есть это всегда неправильное, не симметричное деление.

Но если мы опять вернемся к ордерной системе, то три типа греческого ордера, которые в конце концов были сформированы греческой архитектурой, следующие: дорический, ионический и коринфский. Дорический ордер – от слова «дорийцы», от названия народа, который одним из первых населил Пелопоннес. Дорийцы – это воины, поэтому дорийский ордер – это мужской ордер. Поэтому дорийская колонна – она всегда простая, спокойная, без всяких украшений, у нее нет даже базы. У нее очень простой ствол, простая капитель и абсолютно геометрическая форма.

Ионийская колонна, ионийский ордер – это женский ордер, и поскольку ионийцы – это другой народ, который тоже пришел когда-то из Малой Азии и заселил вот эту территорию будущей Греции, то ионийская колонна всегда тонкая, стройная, изящная. У нее очень красивая

капитель в виде воллуты (спираль, завиток). Если смотреть спереди, то воллута похожа на рога барашка, но на самом деле это закрученный свиток. Это женский ордер, поэтому вместо ионийской колонны, ионического ордера могла стоять скульптура коры, а вместо дорийского ордера могла стоять скульптура курсы. И это сразу определяло весь строй здания, потому что когда архитектура, конструкция дома такая простая – а храм в Греции мыслится именно как дом бога – тогда имеют значение именно пропорции. На них все и держится. Красота греческого храма – в его пропорциях.

Еще мы видим, что любой древнегреческий храм как бы обращен во внешний мир, в отличие от египетского. У египетского храма все красивое спрятано внутри. Все росписи, все рельефы, все колонны внутри. У греческого храма все снаружи. Колонны, капители, рельеф и фронтоны – все снаружи.

Греческий храм тоже не был белым. Конечно, колонны были белыми, но, например, вот этот треугольник, который образует двускатная крыша – называется фронтоном, он всегда был украшен рельефом. И этот рельеф был расписан разными красками, потому что греки, как южный народ, очень любили цвет. И они его использовали по полной программе, как и египтяне. Колонны, кстати, тоже не всегда были цельными. Они составлялись из барабанов, и чем более древняя колонна, тем меньше в ней составных частей. А чем более современная колонна, тем больше этих частей.

Третий ордер – коринфский. Он был не очень любим в самой Греции, потому что он очень сложный. Капитель коринфского ордера напоминает корзину цветов или корзину листьев. Но коринфский ордер будет очень любим в Риме, потому что римляне, конечно, максимально заимствуют греческое искусство. Они будут в него влюблены. Они покорят Грецию и сделают из нее провинцию Ахею, но при этом превратят древнегреческих философов в своих домашних учителей. Это будет пленница, которая покорит сердце победителей, сердце римлян.

Про Рим мы еще поговорим, а пока давайте посмотрим на самые первые примеры вазописи в архаике. То есть в скульптуре – курсы и коры, в архитектуре – ордерная система. Это все, что изобретено в эпоху архаики. А в вазописи, например, один из первых примеров – это дипилонская ваза. Прежде чем ее представлять, я назову вам ее размер – 1 метр 62 сантиметра высотой. Дело в том, что это погребальная ваза. Вообще, надо сказать, что в Греции абсолютно все хранилось в керамической посуде – и вода, и вино, и масло, и зерно, и деньги. Были и погребальные вазы. Погребальная ваза – это значит, что в ней хранился прах, и поэтому она изображает похоронную процессию. Мы видим, что вся поверхность вазы покрыта меандром – национальным греческим орнаментом. А в центре мы видим уже всю сюжетную композицию, потому что греки любят изображать сюжеты на вазах. Мы видим, что сюжет изображен очень схематично. Люди в форме таких треугольников, очень условно изображены руки и ноги. Вот такое умение стилизовать очень характерно именно для греческого искусства. Потом, позже, в вазописи все усложнится, и вазы будут рассказывать нам целые истории.

Один из самых первых известных вазописцев – это художник Зевксис. Этот греческий художник изображает на вазе сюжет борьбы амазонки и Ахилла. Амазонка Пентесилея и Ахилл – герой троянской войны. Вообще, надо сказать, что мотив борьбы, по-гречески «махии», очень любимый и часто встречающийся и в рельефах, и в скульптурах, и в изображении. Потому что грекам всегда важно было проявить героический характер своего народа. Особенно им это будет важно, когда они победят персов. Поэтому амазономахия, гигантомахия, кентавромахия – это любимые мотивы, где греки всегда изображены как позитив, а их враги – как негатив.

Но в данном случае, мне кажется, это история не социологическая, а лирическая. Потому что это история смерти и любви одновременно. Мы видим, как изображен Ахилл – могучий, сильный воин, он хорошо защищен, на нем шлем, который полностью скрывает его лицо. Мы не видим его глаз, мы не видим совершенно ничего, он непроницаем для нас. Амазонка совсем по-другому вооружена, она легкая, она беззащитная, и у нее совсем другая степень защищенности. Она нежная, ее светлая кожа – это словно противопоставление. Ее образ прямо противоположен Ахиллу. И вот мы видим этот момент, когда Ахилл пронзает ее шею копьем, и в то мгновение, когда он ее убивает, он встречается с ней глазами и видит, какая она молодая и красивая. И в этот момент он в нее влюбляется. Все это происходит одновременно. Он влюбляется и убивает одновременно.

В древнегреческом изобразительном искусстве воссоздаются такие моменты любви, в которых невозможно найти никакого компромисса. Любовь – это нечто такое важное, такое центральное в человеческом мире, что ее ценой может быть только жизнь. Вот такие мотивы мы будем видеть очень часто.

Все греческие вазы делятся на чернофигурные и краснофигурные. Нельзя не поразиться мастерству стилизатора, мастерству декоративности, с которым выполнены эти изображения. Потому что перед нами не трехмерное изображение, не реалистичное, а всегда такое условное и удивительно прекрасное.

После гомеровского периода и эпохи архаики начинается период классики. И вот этот период классики связан с очень большим политическим событием, которое происходит в истории всего Древнего мира, а не только Греции. Это победа греков над персами.

Мы знаем, что Персия была такой непобедимой военной державой, которая на протяжении ста тысяч лет не знала, что такое поражение. И вот происходит эта победа греков над персами. Эта победа происходит не сразу, было три морских сражения, в том числе битва при Саламине, в которой участвовали Еврипид и Эсхил. Хотя они были драматургами, но здесь они участвовали в битве с оружием в руках, как простые воины. Маленькая Греция победила большую Персию, и это произошло в основном потому, что греки воевали за свою свободу, за свою демократию, за свою землю, а не за деньги и не из страха, как это было в персидской армии, где воины были наемные. Это было удивительно, совершенно непостижимо, как при таком численном перевесе греки победили большую Персию. Конечно, после победы над персами у греков возникает такой подъем национального самосознания. И кроме того у победителей всегда остаются деньги. Поэтому начинается расцвет греческого искусства, центром которого становятся Афины.

Город Афины заново перестраивается после тех разрушений, которые нанесли персы. И здесь возникают скульптурные и архитектурные шедевры. Все это тоже совершенно не случайно происходит именно сейчас.

Одними из первых в период после победы над персами возникают эти две скульптуры. Одна из них называется «Тираноборцы» или «Тираноубийцы». Это конкретные два человека – Гармодий и Аристокитон. У этой скульптуры есть авторы – Критий и Несиот. Конечно, это реконструкция. Вообще, я должна сразу сказать, что почти все скульптуры Древней Греции, которые мы смотрим, на самом деле не подлинники. Мы не знаем подлинников Мирона и Поликлета, мы почти не знаем подлинников Фидия, их сохранилось всего лишь несколько. Потому что все скульптуры Древней Греции сначала были вывезены в Рим, а потом они там погибли. Но там же, в Риме, они и были сохранены. Римляне любили греческие скульптуры, поэтому они сотнями делали их копии. Все, что мы видим сегодня, казалось бы, греческого, на самом деле это всего лишь копии греческих скульптур, римские реконструкции.

Вот эта скульптура «Тираноборцы» или «Тираноубийцы» была очень важна для афинян, потому что в Афинах не всегда была демократия. Прежде чем там установилась демократия и настал век Перикла, сначала Афинами правил тиран. Его звали Гиппарх, и этот тиран был такой свирепый, что при нем в городе установился страх, люди боялись даже разговаривать друг с другом. Люди боялись несвободы, потому что очень легко человека могли объявить персоной вне закона, у него отнимали имущество, а его самого казнили. Было два афинянина, которые пожертвовали собственной жизнью и убили Гиппарха. Это были как раз Гармодий и Аристокитон. Юноша и взрослый мужчина, изображенные в этой скульптуре. Эти герои погибли, и в честь их подвига создали скульптуру, которая была разбита во время греко-персидской войны. Поэтому первое, что делают греки, когда восстанавливают город Афины, они заново создают этот памятник.

Мы не знаем сегодня точно, так ли они стояли или нет, но мы видим главную тему искусства ранней классики. Это тема героизма, это тема победителей, поэтому мы видим людей всегда молодых, прекрасных, сильных и героически настроенных. Вот этот пафос переживания собственной гражданственности как чего-то особого, отличного от всего остального мира, он очень характерен для ранней классики.

Вторая скульптура, которая тоже относится к ранней классике, называется «Дельфийский возничий». Она сделана не из мрамора, а из бронзы. Вообще, для ранней классики бронза – гораздо более часто употребляемый материал, чем мрамор. Дело в том, что мрамор требует

большого мастерства, поэтому его использование будет характерно для высокой классики. «Дельфийский возничий» – чудом сохранившаяся скульптура. Потому что в Средние века греческие скульптуры – и вообще, античные скульптуры, в том числе и римские – сделанные из мрамора, часто разрушали. Их просто разбивали или отбивали у них носы и руки, потому что их воспринимали как идолов. А бронзовые скульптуры, конечно, переплавлялись на пушки, на двери – то есть на новые нужды другой культуры, христианской. Поэтому все, что сохранилось, это сохранилось чудом.

Вот мы видим «Дельфийского возничего», и о том, что он возничий, мы можем догадаться только по упряжи в его руках. И еще по реконструкции в музее как раз хорошо понятно, как вообще стоял возничий. Мы видим, что такое греческая колесница. Это очень неудобное сооружение, у которого большие колеса и неустойчивая ступенька. И чтобы стоять на такой ступеньке, да еще управлять четверкой лошадей, нужно на самом деле балансировать. Вряд ли человек, управляющий четверкой лошадей, может сохранять такую позу, которую мы видим у «Дельфийского возничего». Но эта поза возникла не случайно. Потому что греки считали и думали, что настоящий герой – это тот, кто всегда управляет своими эмоциями – не только лошадьми, но и эмоциями. И еще они очень хорошо понимали, что искусство не есть копия действительности, не есть копия реальности. Искусство – это новая реальность, придуманная. Она придумана так, чтобы в первую очередь выразить мысль и образ художника.

Во всяком случае, мы понимаем, что перед нами герой. Он тоже, кстати, был раскрашен, у него были инструктированы глаза, у него даже есть ресницы. И если мы внимательно посмотрим на лицо «Дельфийского возничего», то мы увидим здесь уже сформировавшийся тип греческой красоты. Мы видим эту ровную линию лба и носа, мы видим разделенное на три равные части лицо – от начала волос до бровей, от бровей до кончика носа, от кончика носа до подбородка. Мы видим этот абрис губ, который напоминает лук. И все здесь пропорционально, соразмерно. Вот эта соразмерность – это и есть главное, что нашли греки в результате поисков своего идеально человека. Другое дело, что греки пропустили. Дальше они будут изображать нам не индивидуальность, а они будут как бы сводить всю индивидуальность и различия всех людей к одному знаменателю. Они будут искать общий человеческий тип красоты, поэтому греческие скульптуры почти всегда похожи друг на друга. И даже мужской и женский образы тоже часто похожи. Но так будет, конечно, не всегда. И отсутствие эмоций у греческих скульптур тоже будет не всегда. Наступит эпоха эллинизма, где то, что было запрещено и не принято в эпоху классики, выйдет на первый план. Когда мы в следующий раз посмотрим на Лаокоона, то мы увидим, какая же душераздирающая эмоция наполняет весь этот образ. Потому что меняется время, вместе с ним меняется искусство, а искусство – это точное отражение времени.